

Через час колёс, снега и дня,
С моросью, слякотью не бранясь,
Наступаешь на город, землю.

Этот дым, эту гарь осеняет крест
С позапрошлых соборов, не знавших месс
Католических. Не приема

Чужеземных песен, динамик сквер
Оглашает воплем реклам. Не верь
Ничему, что тебе расскажет

Эта улица в грязи да талый снег,
Пораскиданный, брошенный той весне,
На которой под капли ляжет

Городок, под инъекцию всех дождей,
Под великие замыслы да вождей,
Под ветвей оголённых пряжу.

Каждый голос в гостинице – только враль.
За окном перепалка дворовых краль,
Нынче ставших всего интрижкой.

Если хочешь ночью в постель тепла,
То не с улицы: улица умерла.
Безопасней остаться с книжкой.

Или с музыкой: тоже хороший путь,
Чтоб без этого города да заснуть,
Не расслышав собачьей своры.

Солнце хлынет вечером на стекло,
По лесам, дорогам теперь текло
Это тёплое время. Воры

За окладом в храм, я – за красотой,
За Марией Девой, иконой той,
Пред которой бы мироточил,

Но теперь не знаю, зачем, к чему,
Просто в этих глазах верил бы всему,
Как не верят Марии очи

Ни в Голгофу, ни в этот грядущий крест
Для Него. Я возле свечей, окрест,
Я вникаю в былые лики.

Город храмом красив, старых улиц вид
Этой местности много веков привит
Был назад, и его улики

Небольшого далёкого городка,
Это зданья, улицы и река,
Да история, что знакома.

Пред отъездом моим колокольный звон
Разлетался по комнате. Вот о ком,
Я спросил бы у Джона Донна...

* * *

Всяк да накажет себя сам!
Не вмешаться в людей Небесам,
Не вместиться.
Голоса наказует птица,
Что поёт. И пляшут
Неваляшки,
Покуда Земля их тянет.
Всяк в стане
Чужом и дерзком.
А сердцем
Не измерить всего, не смочь.
Так вмешается в душу ночь,
Охватит.
Некстати,
Не к месту.
Где детство? В ком?
Город набит битком
Взрослой серьёзной ссорой.
«Soggy,

I'm happy just to dance with you»...

Но я не люблю

Танцев.

Варьете – родина глупых стансов,

Я не оттуда родом,

Я из других стихов и букв, других переулков и книжек.

Ниже

Бродом

По страницам

Шагает Русь.

Вот когда чрез неё проберусь

Да к границе лета, лица

Всех будут не об этом.

Я так и не понял, о чём.

Да омой меня солнцем, лучом!

Иногда я совсем ни при чём,

Ни при ком.

Зачеркни же меня штрихом...

* * *

Согласно моей жизни, выходит так:

Слишком многим ты был навсегда пустяк.

Также многим ты не был вовсе.

Если будешь ещё выводить мотив,

Готовься

Платить,

Ибо платит каждый

И за то, чтобы быть,

И за то, чтобы слыть,

И за то, чтоб случиться однажды.

А согласно меня, денег может не стать,

И тогда ни поэта с писателем стать,

Ни награды и почести

Не дают больше права почерка,

Права слова.

Были строчки на Солнце готовы,

На Бога да истину.

А теперь я молчу так неистово

До срока, до рубежа, до грани.

Я учился быть словом раненым.

А другого я не умею

И немею, немею, немею...

* * *

С пластинки играет Испания.

Фламенко льётся.

Пани, я

Знаю, что не продаёт сам

Господь жизни счастливой,

Но те живы,

Кто помнит об этом.
Назначаю себя поэтом
На десять минут Солнца или Луны.
Полны
Книги улиц, люда иль тихих слов,
Я готов
Читать церкви, дороги,
Помнить, что ты всегда на пороге,
Пока стоишь,
Тишь
Верша.
А когда-то была душа.
Боль, любовь и обида,
Да заменят мне всё это виды
Куполов, крестов и башен.
Страшен
Путь, в нём страх находящему,
Но ищущие да обрящут
И Бога, и дорогу, и суть.
Нам с Ним будет, о чём взгрустнуть...